

Личность в контексте культуры

ЛИЦА ФЭНТЕЗИ*

(Перевод с английского Алексея Лисогора)

Элизабет Энн Скарбороу [Elizabeth Ann Scarborough]

По мере своего взросления на земле, которая, по крайней мере, тогда была не только в значительной степени уже исследована, но большинство ее таинственных мест были уже закатаны в асфальт, разработаны лесозаготовками и горными выработками, индустриализированы или опустошены войной или пожарами, я всегда чувствовала огромную жажду познать ее тайны. Из всех жанров литературы только фэнтези и научная фантастика позволяют мне самым наилучшим образом исследовать все эти древние и современные тайны, а еще и те, которые только предстоит определить и обнаружить. Подростком я глубоко сожалела, что если я не стану астронавтом, то я никогда не смогу заняться вплотную этими тайнами, но позднее, когда я взглянула на мир глазами и душой писательницы фэнтези, я обнаружила, что современный мир и его постоянные изменения – это же вечный механизм! И неважно, какие в нем технологии, какие причины гибели и разрушения его и какие происходят изменения в обществе, человеческая природа всегда остается почти одной той же – думаю, что это является следствиями перемен того или иного рода, происходящих с людьми (и с животными тоже), которые вызывает любая хорошая история-фэнтези. Эта одинаковость человеческой природы дает такой таинственный резонанс, такие тесные и близкие взаимоотношения людей, что вкупе с самими изменениями мира их нужно обязательно исследовать и изу-

* The Faces of Fantasy. N.-Y., 1996. Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005. № 1. С. 221–232; № 2. С. 233–240; № 3. С. 224–246. Фотографии Патти Перри.

читать. А коллизии хорошо знакомого старого и нового рождают нужные образы, что и делают писатель с читателем по ходу развертывания сюжета, который счастливо обеспечивает им такое многообсуждаемое «чувство удивления».

Произведения: «Крестная мать» [«The Godmother»]; «Война Целителя» [«The Healer's War»]; «Ничего святого» [«Nothing Sacred»].

Чарльз де Линт [Charles de Lint]

Мифы и народные сказки очаровывают меня не только из-за своего содержания и своего воздействия на меня, но еще и потому, что мне очень хочется узнать, а как же они впервые возникли. Хотя мои собственные произведения обычно рассматривают сопоставление старых мифов применительно к современному миру, или не охватывают современные сказки и мифы, которые Жан Гарольд Брунвард [Jan Harold Brunvand] назвал «городскими легендами», я также время от времени по-любительски занимаюсь исследованием происхождения мифов, блуждая с этой целью в никогда не существовавшем мезозойском мире, где посещаю пару-тройку островков моего крошечного архипелага, расположенного в богом забытом уголке юнговского моря разделенного сознания.

Невозможно выделить какой-то наиболее важный тип произведения. Важно то, что они так правдивы, как я могу рассказать их; правдивы отнюдь не в буквальном смысле, а в том, что между мной и читателем устанавливается своеобразный мост, по которому правда и связывает нас вместе. Или как Джейн Йолен [Jane Yolen] так выразительно подметила своими следующими словами, которые я всегда цитирую: «Прикоснулись к магии? Передайте ее дальше».

Рассматриваю ли я в своих произведениях современные проблемы, например плохое обращение с детьми, беспризорность, бездомность, или же вечные вопросы о таинственной сущности и ее неотъемлемой тайне, есть одна вещь, которую, я надеюсь, мой писательский труд делает помимо своей цели развлечь читателя – он содействует продолжению диалога.

Произведения: «Сваха» [«Svaha»]; «Мечта и память» [«Memory and Dream»]; «Moonheart».

Люциус Шепард [Lucius Shepard]

Мой писательский труд – это сугубо личное дело, но имеющее в итоге общественный результат, а сами процессы написания книги зачастую являются такими нелогичными, случайными и тривиальными, таким незначительным одним из видов магии, что их запутанность и сложность ну никак не воспринимается мне снова, хотя кто-то другой и смог бы описать стиль и ход своих мыслей, когда они приходят к нему из неких запасников. Таким образом, мне кажется, что было бы полнейшей чужью говорить о моих работах и о воздействии на читателя. Слова, которые я написал, при всех своих недостатках и достоинствах являются для меня таинственными и непостижимыми. Странными и непривычными. Я не могу припомнить те мысли, которые инспирировали их, и у меня даже нет намека о том человеке, который сумел записать их. Поэтому мне гораздо лучше вести разговор о том, что я намереваюсь сделать, чем о том, что я уже сделал; однако до определенного предела, который я сам чувствую. У меня, по-видимому, как и у большинства людей тоже есть в сердце сокровенное желание сделать больше, чем я уже сделал, тем или иным путем достичь чего-то большего, но когда я пытаюсь в точности изложить на бумаге все то, что я так намеревался сделать, я обычно прекращаю это занятие, в сердцах бросая всякие разные легкомысленные и глупые заявления. Итак, полагаю, что самая благоразумная идея – это не говорить ничего, а просто надеяться, что черед лучшего обязательно настанет.

Произведения: «Охотник на ягуаров» [«The Jaguar Hunter»]; «Калимантан» [«Kalimantan»]; «Жизнь во время войны» [«Life during Wartime»].

Паула Вольски [Paula Volsky]

В детстве, читая сказки и приключенческие рассказы, я получала удовольствие от их красочности, и от того волнения, которое они вызывали во мне. (Почему мне так кажется, что 90% писателей этой книги собираются начать свой рассказ со сходных, если не с тех же самых слов?) Также я получала удовольствие, сочиняя уже свои собственные сказки – отчасти сама, развлекаясь этим занятием, а отчасти оттого, что многие взрослые уверяли, что я сочинила их хорошо. В то время я сама была очень падка на похвалы.

С тех пор многое не изменилось.

Прошли десятилетия. Мой детский опыт сочинительства коротких сказок перерос в написание относительно усложненных и утонченных романов. Приключения в них в своем духе остаются почти теми же самыми, как и в моих детских сказках, но с улучшениями (я так надеюсь) в идеях и в мастерстве исполнения. Я до сих пор писала и пишу ради своего развлечения и удовлетворения своего эго, а в эти дни еще и ради денег.

Моя работа имеет свои недостатки и минусы – это всякие разные трудности и ряд требований. Нет финансовых гарантий. Но не из-за моей лени или малодушия. Иногда, когда курсор на пустом экране компьютера безжалостно мерцает (Ну! Ну же!! Ну, давай же!!!) и в моей голове нет ни слова, то я начинаю обдумывать разные варианты: если бы я не была профессиональным писателем, мне следовало бы найти себе нормальную работу и честно зарабатывать себе на жизнь.

Произведения: «Мираж» [«Illusion»]; «Ворота сумрака» [«The Gates of Twilight»]; «Волк зимы» [«The Wolf of Winter»].

Эдвард Уайтмор [Edward Whitemore]

Эдвард Уайтмор исчез.

Произведения: «Синайский гобелен» [«Sinai Taperstry»]; «Иерусалимский покер» [«Jerusalem Poker»]; «Тени Нила» [«Nile Shadows»].

Морган Ллайвелин [Morgan Llywelyn]

Вся беллетристика до известной степени является фэнтези. Писатель создает некий несуществующий мир и населяет его персонажами согласно требованиям сюжета. Этот мир и его герои не обязательно могут основываться на реальности, но они всегда создаются умом писателя. Поэтому не так важно, является ли книга переработкой древней мифологии или же самой современной полицейской хроники, – любое произведение описывает переменную реальность.

Ирландские писатели, находясь под влиянием кельтских преданий, ближе всего знакомы с концепцией переменной реальности. Для самих кельтов раздельная линия была всегда очень тонкой – в кельтском космосе параллельный мир лежит как раз под поверхностью нашего материального мира и может в любое время прорваться наружу.

Мои работы попадают под две основные категории. Я пишу в классическом стиле дотошно исследованные исторические романы об Ирландии и кельтах. Но так как фэнтези – это альтернативная реальность для кельтов, то ни один серьезный роман, пытающийся точно обрисовать их культуру, не может игнорировать этот элемент. И поэтому с течением времени все больше и больше кельтских и ирландских мифов занимают свое место на страницах моих произведений.

Фэнтези со всей своей мощью прорывалось сквозь поверхность воспринимаемой мною реальности.

Я до сих пор пишу традиционные исторические романы, но теперь я стала писать и романы-фэнтези. И как мои кельтские прародители, временами я не совсем уверена, где же проходит разделительная линия.

Творчество зависит от источника энергии силы воображения. Я пишу фэнтези – и это позволяет моей энергии течь свободно, при этом принимать любую форму и любое направление и одновременно являться удовольствием и стимулом. «А что, если...?» – задает вопрос писатель фэнтези. Этот вопрос является отправной точкой для любого писателя: что, если?

Фэнтези – это не только «жанр». Фэнтези – это вершина, это остроконечный горный пик, с которого можно обозревать все горизонты.

Произведения: «Лев Ирландии» [«Lion of Ireland»]; «Бард» [«Bard»]; «Брайн Бору» [«Brian Bory»].

Брюс Ковилль [Bruce Coville]

Есть одна замечательная вещь, которую фэнтези делает лучше всего остального – оно создает у вас способность воспринимать заколдованные места, представленные обычно в виде леса. (Если бы вы знали, как я стремлюсь погулять в лесах Средиземья!).

Мне повезло: я рос в сельской местности – в доме, рядом с которым была лужайка, плавно переходящая в болото, а оно, в свою очередь, в поле, а поле – в лес. Для меня тот лес всегда нес в себе отпечаток волшебства – и это свое детское чувство, такое глубокое и богатое, все наполненное магией, я часто испытывал во время работы над своими книгами.

Произведения: «Гоблины в замке» [«Goblins in the Castle»]; «Мой учитель – чужестранец» [«My Teacher is an Alien»]; «Глаза Тарота» [«Eyes of the Tarot»].

Дженнифер Роберсон [Jennifer Roberson]

Жарко. Ослепительное, режущее глаза сияние. Резкий запах селитры и солончаковой пыли; едкость креозота и полыни; мимолетные тени под колючими зонтиками мескита и под покрытыми желтым цветением живыми изгородями.

Древние горы нагромодились уступами, кроша свои склоны друг о друга и сглаживая остроконечные пики своих вершин.

Всюду цвета пустыни: матово-багровый, оливковый, янтарный, коричневато-желтый, сиена, киноварь, охра и мазок ядовито-зеленого. Сверкая слюдой, показывает свои молочные кости кварц, делая гладкими и блестящими грубые углы гранитных масс и пористой лавы из давно потухших вулканов.

Верхом, без седла, босиком. И даже не сравнить: в тени, под сводом балдахина в виде старинного форта, специально сооруженного для непривычных к трудностям новичков-туристов; не выходя за перила ограды из круглых, с выступающими шишечками балясин, и только в пределах небольших загончиков и корралей, чьи деревянные ограждения за многие прошедшие года превращены лошадиными зубами в причудливые резные украшения.

Гнедые лошади: медно-коричневого цвета в солнечном свете, из упряжи только удила, уздечка и поводья. Ни седла, ни чепрака, ни попоны, просто простой, гладкий и блестящий красновато-коричневый конский волос, становящийся потным и соленым на жаре. Огромный конь, в самом расцвете сил, высоко задирает голову и сердится, фыркающая и храпя, и делает из меня, сидящей на его спине, то, что ковбои называют «баскетболом»: сгорбленное и трясущееся олицетворение моей личной философии.

Затем конь успокаивается, «баскетбол» проходит и начинается движение, ровное и спокойное. Спускается вниз по крутому склону по самому краю кочковатого *arroyo*, которое словно чей-то спинной хребет извивается по густым зарослям доходящей до колен полыни; через предательскую *cholly*; сквозь приземистые, похожие на пожарные гидранты кактусы, собрав по пути целую коллекцию шипов и колючек; уклоняясь и увертываясь от хлестких и цепких, словно щупальца осьминога, остроконечных веток окотило.

В *arroyo*, очень опасном в сезоне летних муссонов, но сейчас представляющем из себя высохший пустынный ледник из песка и грязи, прибрежные скалы, словно беспорядочно выпиленные лобзиком, плавно

уходят в воды некогда стремительного потока. Всюду кишит жизнь: бурундуки, мыши, ящерицы, убегающие прочь длинноухие зайцы; одинокая гремучая змея с сухим скрежещущим звуком скручивается кольцами на каменном пяточке в ожидании дневной жары. А над головой – ястреб с красным хвостом, лениво нарезающий круги в небе.

Это – суровая красота, грубая, колкая и дикая красота, сделанная не из бархатистой травы и зелени Восточного побережья; не из желтизны пшеницы и кукурузы Среднего Запада; не из кунджутовых зарослей Юга; не из омытого дождем сине-свинцового Северо-Запада. Эта красота – пустыня великого Юго-Запада, образовавшаяся на стыке трех культур: английской, испанской, индейской.

Это Аризона. Горячее ослепительное сияние. С запахом селитры и солончаков, крезота и полыни, конского волоса, пота и соли.

Здесь, в центре пустыни, верхом, вдыхая эти ароматы и наблюдая в небе делающего очередной виток ястреба, в полной мере осознаешь бесконечность.

Такое воображение – осязаемо, и все видится возможным.

Произведения: «Хозяйка леса» [«Lady of the Forest»], «Сворд Брингер» [«Sword Bringer»], «Гордость принцев» [«A Pride of Princes»].

Джордан Мартин [George R.R. Martin]

Лучшее фэнтези написано языком грез. Оно такое же живое, как и грезы, – более реально, чем сама реальность... по крайней мере на один миг... на тот долгий волшебный миг перед нашим пробуждением.

Фэнтези – серебряное и алое, синее и лазурное; это обсидиан, испещренный прожилками золота, и ляпис-лазурь. Реальность – это фанера и пластик, грязно-коричневатые и желтовато-серые. Фэнези имеет вкус habaneros и меда; корицы и гвоздик; мяса с кровью и вин, сладких, как само лето. Реальность – вкус богов и тофу, и праха, в конце концов. Реальность – это тенистые аллеи Бербанка, домовые трубы Кливленда. Парковочный гараж в Нью-Йорк Фэнтези – это башни Минас Тирит, древние камни Горменгаста, замок Камелот. Фэнтези летит на крыльях Икара, реальность – самолетами компании «Southwest Airlines». Почему наши грезы становятся намного меньше, когда они наконец сбываются?

Думаю, что мы читаем фэнтези для того, чтобы вновь найти цвета в жизни. Чтобы отведать острых приностей и услышать как поют сирены. Есть в фэнтези нечто такое древнее и искреннее, что говорит с чем-то сокровенным внутри каждого из нас – с ребенком, который мечтает, что в один прекрасный день он сможет охотиться в ночном лесу, пировать в ложбине меж холмов, и отыскать свою настоящую любовь на веки вечные где-то там, то на юге волшебной стране Оз или на севере Шангри-Ла.

Они сохраняют свои небеса. Когда я умру, то хотел бы поскорее очутиться в Средиземье.

Произведения: «Песчаные короли» [«Sandkings»]; «Fevre Dream»; «The Armageddon Rag».

Мелани Роун [Melanie Rawn]

Моя кузина, однажды взвесив на руке солидный том одной из моих книг, спросила меня: «Как ты можешь писать такие длинные книги?» Я ответила ей: «Ты же знаешь, что никто в этой семье никогда не замолкает? Ну, вот и я тоже никогда не замолкаю на бумагу».

Мои родные говорят, что я замолкла в три годика – наверно с того возраста и началась моя карьера сказочницы. Они, однажды придя к мнению, что это был очередной мой детский каприз, сказали мне, что я выгляжу чересчур уж серьезной в их снисходительных глазах, и признались: «Но ведь это *не так на самом деле, да?*»

Да, это не так. Что делает писатель фэнтези? Чтобы заработать себе на жизнь, он играет в игру «Притворщик».

Если сказать по-другому, то мы – *притворяемся*. Что может означать только то, что мы никогда не повзрослеем (или не замолчим) – и, вероятно, особенно-то и не хотим этого.

Произведения: «Принц драконов» [«Dragon Prince»]; «Крепость» [«Stronghold»]; «Небесная чаша» [«Skybowl»].

Питер Дэвид [Peter David]

Моей жизненной амбицией было избежать штампов в своем творчестве. С этой целью я пробовал себя в разных областях литературы, каждая из которых была со своими собственными вызовами, наградами, препятствиями. Однако в каждой из этих областей, куда я

себя вовлекал, были две константы. Первая: это присутствие таких историй и персонажей, которые смотрят на мир в некой ассиметричной манере. Так как писатели очень часто лежат с себя своих главных героев и их антагонистов (а еще они рискуют этим создать ничтожества), то полагаю, что первая константа в значительной степени неизбежна.

Вторая: всегда нужно пытаться сделать что-то неожиданное. Дать нечто такое, что в идеале заставит читателя остановиться, сделать паузу и обдумать все то, что заставило его остановиться. Так как наши жизни становятся все больше хаотичными и безумными, а информация проскальзывает сквозь них со скоростью циркулярной пилы, то эта цель становится все возрастающим вызовом. Когда один для своего самовыражения использует искусство, то другой временами должен прибегать к более радикальным средствам сделать это.

Я назову эту свою последнюю авантюру «Спрятанный за материальной субстанцией литературного труда». А если и есть здесь какое-то послание, то оно звучит как вечное «Пошли их к черту, если они не понимают шуток!».

Произведения: «Howling Mad»; «Imzadi»; «Sacks & Violens».

(Продолжение следует)

